ДУХОВНЫЕ ОРИЕНТИРЫ ПОСТМОДЕРНИЗМА

© Л. Б. Султанова

Башкирский государственный университет
Россия, Республика Башкортостан, 450076 г. Уфа, ул. Заки Валиди, 32.

Email: slinera@inbox.ru

В статье исследуются основные принципы философии постмодернизма. Это философское направление разрабатывалось в рамках неклассической философской установки. Поэтому для философии постмодернизма характерны крайний субъективизм, индивидуализм в контексте иррационализма. Распространению и популяризации такого подхода способствовали научно-техническая и информационно-компьютерная революции, развивавшиеся в XX в. на фоне перехода к неклассическому естествознанию. В итоге к началу текущего столетия в социуме сложились условия для формирования «псевдоличностей», характеризующихся ориентацией исключительно на индивидуальные желания и ощущения, асоциальностью и почти полным отсутствием моральной субъектности. Такая «псевдоличность» является идеальным потребителем.

Автор приходит к выводу, что такие «псевдоличности», сформировавшиеся в рамках философских установок постмодернизма, не в состоянии способствовать решению глобальных проблем, а также отвечать вызовам, стоящим перед современной цивилизацией.

Ключевые слова: «обида» на классику, марксизм, «коллективное бессознательное», воспитание «нового человека», «техносфера», кантовский ригоризм, «деконструкция», хайдеггеровский пессимизм, «псевдоличность», глобальные проблемы.

Постмодернизм представляет собой ведущее направление современной зарубежной философии. Его становление связано с формированием и развитием неклассической философской установки примерно во второй половине XIX в. Идейным вдохновителем постмодернистской является, прежде всего, немецкий философ М. Хайдеггер, хотя, безусловно, большое значение в его формировании сыграли идеи С. Кьеркегора и некоторых других философов иррационалистического толка.

Думается, что постмодернизм возникает, прежде всего, из некой «обида» на классику, которая представляла будущее человечества как некое подобие «города Солнца», где человек будет жить в гармоничном мире и заниматься творческой созидательной деятельностью. При этом предполагалось, что человек также изменится в лучшую сторону, избавится от пороков, а человеческий эгоизм, если и будет проявляться каким-то образом, то только на основе разума, т.е. как «разумный эгоизм», когда человек совершает такие поступки, при которых благо конкретного человека и общества совпадают. Действительно, такова классическая философская установка. И в рамках именно этой философской установки развивался марксизм, разработавший философское учение об этапах эволюции человеческой цивилизации, целью которой являлось гармоничное общество, основанное на экономике, исключаящей частную собственность. Марксизм представляет собой мощное уникальное философское учение, задачей которого была практическая реализация построения такого общества на основе научно разработанной и обоснованной системы научно-философских теорий. Еще в пер-

вой половине XX в. именно марксизм рассматривался как идея неизбежного будущего человечества, которое, казалось бы, гарантировано эволюционной спецификой исторического процесса, т.е. принципом историзма, принимаемом в марксизме в качестве базовой предпосылки.

Однако история рассудила иначе. После распада Советского Союза, где основные принципы марксизма в ленинской интерпретации, предполагавшей диктатуру пролетариата, были воплощены в жизнь, и последовавшего краха социалистической системы в 90-х гг. прошлого столетия, стало понятно, что никакой гарантии практической реализации именно такого сценария будущего для современной цивилизации не существует. Наиболее важной причиной такого положения дел представляется стремление к доминированию как элемент «коллективного бессознательного» в психике человека. Именно этот элемент часто мешает воспитанию «нового человека», который, согласно установкам марксизма, в итоге должен быть лишен такого недостатка. Скорее всего, по этой причине никакое материальное изобилие не может быть «изобильным» настолько, чтобы в полной мере был реализован базовый принцип коммунизма «от каждого по способностям, каждому по потребностям». Вообще говоря, вопрос исторической оценки марксизма крайне специфичен и сложен, и здесь не ставится задача выработки такой оценки. Мы всего лишь констатируем, что войны и революции XX в. не только не приблизили человечество к «светлому будущему», но и вообще отдалили это «светлое будущее» настолько, что оно превратилось в легкое облачко на горизонте, которое, кажется, вот-вот исчезнет...

Но и это еще не все. Научно-техническая и информационно-компьютерная революции современности, которые, казалось бы, должны были стать инструментом приближения «светлого будущего», развиваясь, буквально «загнали» человечество в «техносферу», усадили всех нас за компьютеры, в результате чего кантовское «звездное небо над головой» превратилось в красивую метафору и только, а кантовский категорический императив, который должен был жить в душе человека, уравновешиваемый и обосновываемый этим «звездным небом над головой», утерял какую-либо внутреннюю опору в человеке и практически рухнул в небытие... Вообще следует учитывать, что кантовский ригоризм на практике не всегда тождественен милосердию, поскольку на первое место у Канта ставится долг, обосновываемый моральным законом как категорическим императивом. И отсутствие опоры в человеке для кантовского ригоризма оказалось почти фатальным.

Однако в дальнейшем к названным факторам добавился еще следующий момент, усугубивший сложившийся уже порядок вещей – оказалось, что наука, как и прогнозировал Им. Кант в своих работах, за пределами человеческого опыта действительно не в состоянии претендовать на однозначную истину – а иной научная истина быть не может. Иной может быть истина только философская или религиозная. А раз так, от научной истины следует отказаться – ради гуманизма! Именно так, ни больше, ни меньше. Правда, здесь следует учесть, что гуманизм в постмодернизме понимается как крайний субъективизм и индивидуализм, вследствие чего полностью отрицается гуманизм классический, основанный на рационализме. Постмодернизм исходит из того, что научная истина дает ее субъекту неоспоримое преимущество в духовном плане, а ведь это для всей европейской философии, предшествующей возникновению постмодернизма, было основным критерием значимости личности. В период схоластики идеал – посильное служение Богу. Идеал эпохи Возрождения – человек-творец, достигающий в своих творениях божественного совершенства, ярчайшим примером которого является Леонардо да Винчи. Иное дело – сегодня. Технизация и информатизация, образно говоря, «выбили» из-под фундамента науки классический рационализм, опиравшийся на «естественный свет» разума, как на точку, как оказалось, ее незаменимой опоры – поскольку именно развитие техники и информационных технологий в наши дни имеет преимущественное влияние на повседневную и социальную жизнь человека, в результате чего наука отходит на второй план.

В итоге мы видим, что в течение нескольких десятилетий общественное сознание и мировоззрение практически полностью утратили «классичность», предполагавшую некий оптимизм в оценке перспектив развития и общества, а также отдельной

личности. На смену пришел пессимизм, ставший практически «визитной карточкой» постмодернизма. Разумеется, не все и не всегда в постмодернистской философии уж настолько мрачно: например, «героический пессимизм» философии бунта А. Камю, в общем-то, мало уступает не только античному стоицизму, но и кантовскому ригоризму, и буквально пронизан верой в человека. Иное дело – философия М. Хайдеггера и его последователей, одержимых стремлением к новой метафизике, базировавшейся, прежде всего, на жесткой критике оснований классического рационализма. Эта критика как полная «деструкция» классической методологии и теории познания начинает свой анализ прямо с античности, с работ Аристотеля, в которых были заложены глубочайшие основы классической теории познания и вообще всей классической философии. Один из крупнейших представителей нового постмодернизма, Ж. Деррида, разработал на основе понятия «деструкции» М. Хайдеггера целое учение о «деконструкции», ставшее базовой методологией постмодернизма. Целью постмодернистской «деконструкции», в конечном итоге, является ликвидация классики как философской метафизики, способной разработать адекватную концепцию истины и проложить приемлемый цивилизационный путь в будущее на основе развития науки и гуманизма эпохи Возрождения.

Можно ли считать, что «обида» на классику, открывшую ограниченность человеческих возможностей для познания научной истины за пределами человеческого опыта, и как бы «поманившую» человека не сбывшимся на практике обещанием коммунизма как грядущего «золотого века», и была основным источником постмодернистской философии? Думается, что да, что дело во многом обстоит именно так, и развитие техники и информационно-компьютерных технологий только усугубило эту «обиду», позволило ей проявиться на явном, рациональном уровне, облекло эту «обиду» в слова, но само по себе вряд ли является источником именно постмодернистских трансформаций в философии.

Далее, можно ли считать, что философия постмодернизма перестала быть утешением для человека, брошенного в водоворот исторических катаклизмов, и в этом утешении, видимо, нуждающегося? Как известно, таким «утешением» философия была уже для «последнего римлянина» Бозция, назвавшего именно так свой основной философский труд, и в дальнейшем таковой была философия классиков, и прежде всего, Им. Канта. Но этого мы никак не можем сказать, если речь идет о философии М. Хайдеггера с ее категориями «заброшенности», «заботы» и «деструкции», какой бы блестящей философской формой эта философия сама по себе не обладала. И в этой связи социальная практика М. Хайдеггера, встроенная в образовательный процесс нацистской Германии 40-х гг.

прошлого столетия, абсолютно не удивляет; напротив, представляется, что она вполне гармонично соответствует его мрачной до тошноты метафизике. Хотя, конечно, для экзистенциализма, провозгласившего в лице одного из своих столпов Ж.-П. Сартра, что «Экзистенциализм – это гуманизм», а к экзистенциализму в порядке классификации нередко относят и философию М. Хайдеггера, хайдеггеровский пессимизм безо всякой надежды на какой-либо «свет в конце тоннеля», возможно, неприемлем вообще. Понятно, что М. Хайдеггер – большой философ с уникальным мироощущением, в некоторых аспектах радикально повлиявший на развитие всей современной философии (философия языка), и оценка его как философа сегодня, когда были открыты печально знаменитые «Черные тетради», всегда противоречива и вызывает яростную полемику. Это, опять же, отдельная тема [1].

Вообще говоря, конечно, некорректно оценивать постмодернизм только негативно, и, например, в современной, постнеклассической, философии науки мы видим немало положительных и полезных идей, в т.ч. имеющих существенное методологическое значение. Это такие идеи, как идея синергетики, виртуалистики и искусственного интеллекта. Философско-методологическое осмысление этих идей на основе базового междисциплинарного контекста, основанное на развитой критической тенденции, как раз и составляет основное содержание современной философии науки. Это отражено в большом количестве научно-философских публикаций. Такие исследования по вопросам искусственного интеллекта не просто фундаментальны, что само по себе значительно, но к тому же имеют острейшую актуальность и социально-практическую направленность. Элементы «деконструкции» как методологического подхода, основанного на уточнении уже существующих теорий, сегодня могут рассматриваться как направления современной методологии науки, когда мы несколько усиливаем или, напротив, смягчаем некоторые акценты действующей или уже не являющейся актуальной научной картины мира. Это позволяет нам лучше понимать сложнейшие категории современного естествознания и гармонизировать его актуальную научную картину мира, а также общий современный научный контекст – что тоже немаловажно для современных исследований [2].

Можем ли мы сказать, что постмодернизм как бы «открыл глаза» человечеству на трагедийные стороны жизни во всех ее проявлениях, развернул философию «лицом» к проблеме человека и тем самым получил полное право оценивать классику негативно?

Ведь классика в философии представляет собой образец философствования на все времена. Видимо, доля истины в этом все же есть, о чем здесь было сказано раньше, при общей оценке философии А. Камю и М. Хайдеггера как одних из наибо-

лее значимых философов прошлого столетия. Однако представляется все же, что вряд ли можно утверждать, что классическая философия полностью игнорировала проблему человека и отказывалась замечать трагические стороны человеческого бытия. Например, Б. Паскаль, один из блистательных современников великого Р. Декарта, раскрывая сущность жизни человека, уподоблял человечество в целом колышущемуся от ветра и напрасно ропщущему «мыслящему тростнику». Но Б. Паскаль при этом отмечал, что человек все же выше Природы, которая его убивает – выше хотя бы потому, что человек осознает это и все же стремится наполнить свою жизнь созидательной деятельностью, стараясь передать ее плоды своим потомкам, и тем самым утверждая бессмертие рода человеческого. Представляется, что такой подход является выражением человеческой стойкости перед неизбежностью умирания, и может быть назван источником гуманизма в философии. Полагаем, такой подход выше и разумнее хайдеггеровского неманихейства, которое тоже, впрочем, имеет право на существование.

Таковы примерно духовные ориентиры постмодернизма как целостного базового подхода современной философии. Надо понимать, конечно, что любая рациональная критика, насколько бы справедливой она не была сама по себе, в любом случае столкнется с идеей необходимости «освобождения личности», с энтузиазмом декларируемой этой философией. Это «освобождение личности» может быть настолько полным и необратимым – при восприятии подобных идей в качестве «истины в последней инстанции» – что, с его полным отрицанием и социальности, и познания именно как стремления к истине, такое «освобождение личности» вполне может побудить такую «постмодернистскую» личность дойти в своем стремлении к освобождению до искажения не только основ этики и морали, но и, элементарно, основ здравого смысла.

Такая опасность постмодернистского «освобождения личности» проявляется наиболее отчетливо в сравнении постмодернизма с абсолютной этикой, однако означенная специфика сохраняется и при сравнении постмодернизма с самой «щадящей» этикой – этикой «разумного эгоизма», который, прежде всего, разумен.

Рассмотренные этические системы основаны на необходимости осуществления субъектом «морального выбора», хотя понятно, что абсолютная этика в этом отношении намного жестче, поскольку основана на категорическом императиве. Кратко говоря, любая этика принципиально предполагает определенный уровень требовательности к субъекту. Это означает, что поступки субъекта должны соответствовать неким «заповедям», для чего субъект должен упорно работать над собой и нравственно совершенствоваться. Что касается абсо-

лютной этики, то она вообще предполагает воспитание в субъекте самообладания и стойкости перед лицом сложных жизненных обстоятельств, а этика марксизма как таковая вообще предполагает необходимость самопреодоления и борьбы как стремления к утверждению в любых жизненных реалиях ценностей марксизма. Вспомним, что К. Маркс на вопрос о том, что такое счастье, ответил кратко и исчерпывающе: «Борьба». Таков классический посыл, подразумевающий опору личности на мощное творческое начало. Отметим, ради справедливости, что этика марксизма является коллективистской и может вести к подавлению личности. Однако постмодернизм формирует в личности неоправданный эгоизм, когда такая личность, принципиально эстетствуя в любой ситуации, стремится исключительно к реализации на практике своих «красивых инстинктов», поэтизируя малейшую прихоть своей «левой ноги», что не только не вписывается в этику марксизма или этику «разумного эгоизма», но вряд ли соотносимо с какой-либо созидательной деятельностью или с возможностью саморазвития. Такой подход превращает личность в «идеального потребителя», который постоянно прислушивается к своим ощущениям и совершенно не готов серьезно воспринимать какую бы то ни было моральную необходимость. «Идеальный потребитель» всегда готов только при случае воспользоваться современными технологиями, всегда доступными обществу потребления.

«Идеальный потребитель» — это и есть та «псевдоличность», об опасности формирования которой и предупреждала философия в лице Э. Фромма. И в наши дни с прискорбием приходится констатировать, как такая «псевдоличность»,

практически лишенная моральной субъектности, успешно отвоевывает себе жизненное пространство в различного рода виртуальных реальностях: социальных сетях, инстаграммах и т.д. Таков результат распространения постмодернистских установок в общественном сознании. Вряд ли такая личность способна идти в авангарде духовного и социального прогресса иначе, чем в виде некоего рекламного продукта, а это значит, что никакого реального влияния она иметь не может. А ведь глобальные проблемы в современном обществе не только волшебным образом не разрешились под влиянием информационно-технического прогресса, но, напротив, с каждым днем обостряются. Такая «псевдоличность» скорее тормозит решение глобальных проблем, чем этому способствует.

Такие выводы приходится делать, исследуя духовные ориентиры постмодернизма. А это означает, что современные постмодернистские установки вряд ли могут рассматриваться как основа для формирования хоть сколько-нибудь прогрессивной подлинной «философии жизни». Даже освобождение личности в итоге становится лишь мощным основанием для ее реального закабаления — и теперь уже, как это ни печально, с непременной опорой на результаты информационно-компьютерной революции и научно-технического прогресса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Миронов В. В., Миронова Д. В. Г. Философия и власть: случай Хайдеггера // Вопросы философии. 2016. №7. С. 21–38.
2. Султанова Л. Б. Квантовый подход и неклассическая методология: общая оценка // Российский гуманитарный журнал. 2019. Т. 8. №1. С. 34–39.

Поступила в редакцию 18.02.2020 г.

DOI: 10.33184/bulletin-bsu-2020.1.32

SPIRITUAL GUIDELINES OF POSTMODERNISM

© L. B. Sultanova

*Bashkir State University
32 Zaki Validi Street, 450076 Ufa Republic of Bashkortostan, Russia.**Email: slinera@inbox.ru*

The author of the article studies the basic principles of the philosophy of postmodernism. This philosophical trend was developed within the framework of a non-classical philosophical attitude. Therefore, the philosophy of postmodernism is characterized by extreme subjectivity, individualism in the context of the complete denial of rationalism. The dissemination and popularization of this approach was facilitated by the scientific, technical and information-computer revolutions that developed in the 20th century against the background of the transition to non-classical natural sciences. As a result, by the beginning of the current century, conditions had developed for the formation of “pseudo-personalities”, characterized by an orientation toward individual desires and sensations, asociality and an almost complete absence of moral subjectivity. Such a “pseudo-personality” is an ideal consumer. The author comes to the conclusion that such “pseudo-personalities”, formed within the philosophical framework of postmodernism, are not able to contribute to the solution of global problems, and, in general, to meet the challenges facing modern civilization.

Keywords: “resentment” of classics, Marxism, collective unconscious, upbringing of a “new person”, technosphere, Kantian rigorism, deconstruction, Heidegger’s pessimism, pseudo-personality, global problems.

Published in Russian. Do not hesitate to contact us at bulletin_bsu@mail.ru if you need translation of the article.

REFERENCES

1. Mironov V. V., Mironova D. V. G. Voprosy filosofii. 2016. No. 7. Pp. 21–38.
2. Sultanova L. B. Liberal Arts in Russia. 2019. Vol. 8. No. 1. Pp. 34–39.

Received 18.02.2020.